

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.111'42:811.111'27

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

Н. А. Пром, Т. С. Лихачёва
Волгоград, Россия

ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ЭДЕЛЬМАНА

АННОТАЦИЯ. Предлагаемая статья рассматривает лингвистический аспект теории символической политики американского политолога Мюррея Эдельмана. Эта концепция представляется междисциплинарной, возникшей на пересечении политологии, социологии и лингвистики. Большая часть трудов ученого посвящена вопросам о том, почему возникли несовершенные политические системы и почему социальное неравенство так глубоко укоренилось в человеческом сознании и получило столь широкое распространение. М. Эдельман не довольствовался рассмотрением только политического аспекта публичного поведения и масс-медиа в конструировании политических образов, он изучал особенности языка и риторiku политического взаимодействия, исследовал, как язык, генерированный вокруг политических проблем, формирует ход политики в политически ангажированной бюрократии и трансформирует политические действия в удовлетворительный ответ на наболевшую проблему. Эдельман показал, как в коммуникации между органами власти и общественностью элиты старательно формируют ожидания людей и способствуют тому, чтобы общественность принимала удобное элитам отношение к самой власти. Разные виды лингвистической символики, подвергшиеся изучению в политическом языке, укореняют неравенство, которое в противном случае было бы недопустимо, и обеспечивают массовое принятие неэффективных или даже вредных политических стратегий. Исследователь напоминает о том, что, когда мы позволяем политическому языку создавать нашу реальность, результаты деятельности политиков, манипулирующих общественностью с его помощью, могут быть катастрофическими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвополитология; символическая политика; политический язык; когнитивные presupпозиции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400087, Россия, г. Волгоград, ул. Новороссийская, 16; e-mail: natalyprom77@mail.ru.

Лихачёва Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 34; e-mail: tatslix@gmail.com.

Введение

Американский политолог и социолог Мюррей Эдельман (1929—2001) посвятил более 40 лет изучению символов и субъективных аспектов в политике. Он наблюдал за политическими выступлениями, пытаясь понять «тайный театр теней» [Edelman 1988]. Его труды признаны классическими в области политической психологии, трудовых отношений и государственной политики.

Поскольку М. Эдельман малоизвестен в России, приведем некоторые факты его биографии. Он обучался в университете Пенсильвании, позже ему присвоили степень магистра по истории в Чикагском университете, а шесть лет спустя докторскую степень по политологии в Иллинойском университете. Он занимался исследовательской деятельностью и преподавал политологию в разных университетах [Chadwick 2003: 44]. После выхода на пенсию в 1990 г. он не оставил профессиональную деятельность и был почетным профессором и президентом Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR), которая играет немаловажную роль в политической жизни США. Во время президентской кампании 2000 г. М. Эдельман работал в штабе Альберта Гора и, пользуясь наработанными социологическими моделями, с большой долей уверенности предсказывал его победу. Этого не случилось, и проигрыш демократов

стал его личным профессиональным поражением [Эдельман 2001: 436].

В своих книгах М. Эдельман уделяет большое внимание воздействию различных языковых форм на политические поступки и их последствия. Он напоминает нам о том, что, когда мы позволяем политическому языку создавать нашу реальность, результаты деятельности политиков, манипулирующих общественностью с его помощью, могут быть катастрофическими. М. Эдельман показывает, как газетные новости постоянно строят и перестраивают наше прошлое, настоящее и будущее, загоняя нас в ловушку собственных коллективных фантазий [Graber 1993: 98]. Работы М. Эдельмана представляют интерес для разных направлений гуманитарного знания. Новизна нашего исследования состоит в выделении и рассмотрении лингвистического аспекта его теории символической политики. Эта междисциплинарная концепция создавалась на пересечении политологии, социологии и лингвистики.

Теория символической политики М. Эдельмана

Основная заслуга М. Эдельмана состоит в создании теории символической политики. По его мнению, идея о том, что политика должна рассматриваться как символическая форма, позволяет объяснить эмпирические

несоответствия между тем, как политические институты демократического общества должны были бы функционировать в теории, и тем, как они функционируют в действительности [Малинова 2012: 7—9].

Являясь одним из сторонников широкого понимания символов и политики, М. Эдельман сумел отказаться от ряда дихотомических противопоставлений, которые задают границы социальных наук. Он рассматривал взаимосвязи между общественным сознанием и поведением без жестких границ между субъектом и объектом, индивидуальным и коллективным, задавая причинно-следственные векторы от материального к идеальному. Не опасаясь неизбежной субъективности, он предпочитал интерпретативные подходы объективным методам, основанным на стандартизированном наблюдении, вследствие чего символическая политика становится удобной категорией для исследования широкого спектра явлений и процессов, связанных с производством и обращением смыслов, под разными углами [Там же: 9]. Вместе с тем понятие символической политики включает опыт его рассмотрения в рамках других дисциплин — социальной психологии, социологии, лингвистики, семиотики, антропологии и др.

В своей самой известной книге «Символическое использование политики» [Edelman 1964] Мюррей Эдельман рассматривал то, как множественные значения отдельных событий, людей, процессов и институтов могут быть мощным альтернативным источником добра или зла. В своих работах он убедительно доказывал не только то, что «самые распространенные формы участия населения в управлении государством в значительной степени носят символический характер, но и то, что многие из государственных программ, которые, как всегда считалось, предназначены для того, чтобы принести пользу массовой общественности, на самом деле приносят пользу лишь относительно небольшим группам» [Эдельман 1977: 4]. В этом и многих других явлениях общественной жизни М. Эдельман видел проблему неравенства, чего, по его мнению, не должно было быть в его любимой Америке — стране широких возможностей. Причиной этого неравенства он считал тех, кто стоит у власти и обманывает общество, поэтому он изучил способы, с помощью которых лидеры используют ключевые символы и общие способы употребления языка, чтобы повысить легитимность своей власти.

Подход, предложенный Мюрреем Эдельманом, был поддержан многими исследователями. Массовое признание он получил в

Соединенных Штатах, где его теория символической политики стала предметом широкой междисциплинарной дискуссии. Работы М. Эдельмана более широко известны в США, чем в Европе. В Германии эта теория разрабатывалась в 1980—1990-х гг. такими учеными, как Р.-Ж. Шварценберг, У. Сарцинелли, Т. Майер, А. Дёрнер. В российской науке влияние М. Эдельмана прослеживается в философских, социологических и политологических публикациях С. П. Поцелуева, Д. А. Мисюрова, К. В. Киселева, О. Ю. Малиновой конца прошлого и начала нынешнего века. Причину столь запоздалого внимания к теории М. Эдельмана в нашей стране мы видим, с одной стороны, в том, что его философия была посвящена американскому обществу и, на первый взгляд, была неактуальна для советской науки из-за отсутствия межпартийной борьбы, равно как и общественного неравенства, с другой — в том, что Советский Союз был закрыт для популяризации работ подобного рода по тем же причинам, хотя в указанной концепции явно прослеживается влияние марксистской теории.

Гигантское влияние США, распространившееся на остальной мир в последние десятилетия, проникновение американской модели политического поведения в общественную жизнь других государств, как представляется, определяют актуальность работ М. Эдельмана в современной гуманитарной науке, поскольку они проливают свет на многие вопросы и дают возможность понять скрытые механизмы американской, а теперь уже и всемирной политики.

Лингвистический аспект теории символической политики

В основе всех социальных процессов М. Эдельман видел язык. В университетские годы в Чикаго М. Эдельман познакомился с философией Дж. Мида, оказавшей на него большое влияние и определившей лингво-социологическую сторону его исследований. Описывая процесс социализации как непрерывный человеческий опыт восприятия мира, при котором этот мир выборочно с помощью языка извлекается из нашего опыта и привносится в сознание, М. Эдельман в качестве примера рассматривает формирование опыта, позволяющего ценить вино: «...пробуя вино на вкус в первый раз, не сразу почувствуешь разницу, а лишь сильный, странный вкус, которому не хватает утонченности. С большим опытом, возможно, через несколько лет, пообщавшись с другими людьми, человек учится — с помощью языка — ценить вино, его утонченность, элегантность и силу, танины молодого вина,

и вместе с тем баланс и сложность тонкого выдержанного вина. Именно посредством языка мы понимаем собственный опыт, узнаем общие значения культуры и применяем эти значения к себе. Мы можем примерить на себя чью-либо роль и предположить, чего от нас ждут другие. Это процесс социализации» [Edelman 2001: 437].

Следовательно, влияние языка можно обнаружить в любой сфере социальной жизни человека: религии, образовании, профессиональной деятельности и, разумеется, политике, где язык играет ключевую роль в качестве инструмента воздействия на сознание реципиента. То, что большинство людей воспринимают политику опосредованно, неизбежно вводит язык в качестве посредника при формировании ее восприятия. Поэтому М. Эдельман не довольствовался рассмотрением только политического аспекта публичного поведения и массмедиа в конструировании политических образов, он изучал особенности языка и риторику политического взаимодействия, исследовал, как язык, генерируемый вокруг политических проблем, формирует ход политики в политически ангажированной бюрократии и трансформирует политические действия в удовлетворительный ответ на наболевшую проблему [Kaid 2008: 193].

Если для политологов и социологов основным чтением в научном творчестве является книга М. Эдельмана «Символическое использование политики» [Edelman 1964], то для нашего исследования представляет интерес его работа «Политический язык: успех слова и провал политики» [Edelman 1977] — сборник эссе, посвященных таким проблемам, как последствия номинации, кризис, смысл политической архитектуры, язык помогающих профессий и др. Каждое из этих эссе демонстрирует острую наблюдательность, внимание автора к языку и его широкие интеллектуальные интересы.

Наш журнал предоставляет своим читателям уникальную возможность ознакомиться с первым переводом на русский язык некоторых глав из этой книги [Эдельман 2016, 2017]. Хочется надеяться, что и в нашей стране эти эссе станут настоящим must-read для филологов, работающих с политическим дискурсом, социолингвистов, политологов и социологов. Они, несомненно, будут интересны всем, кто как-то связан с политикой или просто интересуется ей.

В социологии большинство исследований сосредоточено на формировании политики, направленной на сокращение экономического и социального неравенства, и совсем немного работ посвящено вопросу, почему возникли

такие несовершенные политические системы, как это неравенство настолько укоренилось в человеческом сознании и получило столь широкое распространение «при относительной пассивности жертв» [Lipsky 1977: XVII]. Именно учет языкового аспекта позволяет объяснить данную проблему.

Роль номинации

В 1970-х гг. появилась инновационная теория о том, что именно язык формирует большую часть политической реальности, ощущаемой людьми. Как многие социолингвисты, М. Эдельман видел важную связь между номинацией и знанием и рассматривал роль номинации и интерпретации в политике. В книге «Символическое использование политики» он наблюдает, как наименование становится способом понимания вещей, как «термины, которыми мы называем или говорим о чем-либо, делают больше, чем просто обозначают предмет; они помещают его в класс объектов, тем самым указывая, как его нужно расценивать и с чем следует сравнивать, а также определяют подход, с точки зрения которого он будет рассматриваться и оцениваться». Как и многие другие исследователи, М. Эдельман отводил языку центральную роль в понимании людьми их окружающего мира, отмечая особое влияние языка, когда он действует бессознательно, распространяясь на восприятие, понимание и опыт.

В политике, как и религии, язык, будь он ритуальным или банальным, усиливает жизнеутверждающее убеждение, независимо от его обоснованности, и блокирует скептический запрос о беспокоящих проблемах. «Язык является неотъемлемым аспектом политической сцены — не просто инструмент для описания событий, но и сам часть событий, формирующий их смысл и помогающий выявить политические роли официальных лиц и широкой общественности как участников пьесы» [Edelman 1985: 10]. В этой связи М. Эдельман дает исследователям языка методику, которая позволяет обнаружить, каким образом убеждения и понимание прикрепляются к словам (обоснованность этих убеждений не обязательна). При этом необходимо учитывать то, что понимание граждан основывается на убеждениях, которые часто привязаны к употреблению слов, независимо от того, правильны эти представления или нет [Jarvis 2005: 59].

Решающее значение выбора «именования» детально рассмотрено на примере бедности, когда «именование» может помочь или помешать созданию государственной политики, предоставляя выбор полити-

кам и общественности. Когда социологический термин «достойные и недостойные бедные» был введен в политическую дискуссию, появился выбор: должно ли правительство помогать «недостойным» бедным, заслуживают ли обе группы помощи и др. Само создание символа достойных бедных позволяет (1) правительству ничего не делать для миллионов бедных людей после того, как вербально их определили как «недостойных», и (2) обедневшим гражданам рассматривать других бедных людей как «недостойных», становясь на сторону правительственных элит, а не идентифицируя себя с теми, кто находится в таких же экономических условиях.

Во всех своих ключевых работах М. Эдельман обращает внимание на влияние сознательно навешанных ярлыков в политике. «Достойные (недостойные) бедные, незаурядный интеллект или умственная отсталость, опытный дипломат, авторитарная личность, бизнесмен-общественник — все эти определения претендуют на то, чтобы быть дескриптивными терминами, основанными на наблюдениях или достоверных выводах из наблюдений. Тем не менее, каждый из них заставляет без доказательств принять многое из того, что является спорным, неизвестным или ложным. Такие термины классифицируют людей по их предполагаемому достоинству без учета сложных и противоречивых допущений, выводов, умолчаний, вероятности ошибок, а также альтернативных возможностей, существующих для тех, кто использует термины. Их применение в политической дискуссии препятствует сохранению критической позиции в отношении ментальных процессов наблюдателя и осторожности, считающихся отличительными чертами науки. Хотя подобные способы категоризации ближе к догмам, чем к науке, они порождают сложные когнитивные структуры в обществе, которое считает, что языковые формы являются точными и научными. Они оправдывают социальное неравенство тем, что оно якобы основывается на личных качествах: интеллекте, навыках, моральных принципах или здоровье» [Эдельман 2017: 165].

Ирония американской политики в том, что она опирается на «согласие» управляемых, которое означает вынужденную общественную покорность политическим и экономическим структурам и отношениям, в которых многие люди не процветают, а оказавшись в ловушке, практически не проявляют независимую инициативу. Мнения, бросающие вызов данному статус-кво, не обладают достаточной респектабельностью, которая могла бы сделать их предметом серьезного

обсуждения. Так ненадежным политикам оказывают доверие, политический дискурс опошляется и ритуализируется, общественным мнением манипулируют, а акции протеста инсценируются и превращаются в шоу [Lipsky 1977: XVII—XX]. В общем, создается иллюзия полной демократии, существования конкуренции среди элит и возможности участия масс в процессе принятия решений.

Еще в 1964 г. в книге «Символическое использование политики» М. Эдельман показал, как в коммуникации между политическими органами власти и массовой общественностью элиты старательно формируют ожидания людей и способствуют тому, чтобы общественность принимала удобное элитам отношение к самой власти. Он продемонстрировал неявный способ анализа публичных заявлений и действий властей с точки зрения их символического содержания и психологического воздействия на зависимое население, ищущее успокоения и буквально требующее руководства. Он убедительно доказывал, что почитание независимого «общественного мнения» не имеет под собой никакого основания, так как сами лидеры стремятся, как правило, контролировать восприятие массовой общественности, которому они позже «дадут ответ». М. Эдельман смог не просто показать, что государственная политика зачастую не приводит к действиям в соответствии с заявленными намерениями творцов, но сделал убедительные доводы в пользу того, что реально политика работает на благо элит, в то время как ее символические показатели ложно успокаивают массовую общественность тем, что их интересы защищены от хищничества влиятельных групп.

Государственные бюрократические структуры успешно используют язык с тем, чтобы сформировать нужное им представление о своей работе, причем делают это значительно лучше, чем решают хронические социальные проблемы, для чего, собственно, и созданы [Edelman 1977: 78]. «Этому в значительной степени способствуют помогающие профессии, которые являются наиболее полезными современными агентами социального конформизма и изоляции... в большинстве своем не обремененными самокритикой и скептическим отношением к политическим событиям» [Там же: 76].

Следовательно, политические реалии в основном недоступны для общественности, за исключением той действительности, которую генерировали элиты посредством символов. Такие символы часто создают иллюзию политических решений сложных проблем [DeCanio 2005: 339] — решений, разработанных экспертами, осуществляе-

мых эффективными лидерами и безальтернативно успешных в их результатах.

Анализ интерпретаций

Книга «Политический язык: успех слова и провал политики» представляет собой анализ роли символов посредством исследования их периодически возникающих и устойчивых связей с наблюдаемым политическим поведением, которое меняется в зависимости от социальной ситуации и изменений значимых символов. Данные для анализа включают (1) общие термины, метафоры и другие повседневные фигуры речи по мере их появления в заявлениях государственных должностных лиц, государственных органов, в материалах СМИ; (2) термины, используемые в соответствующих профессиональных статьях и экономическом анализе, а также (3) публичные действия и реакции на них, которые обычно повторяются.

Поскольку «люди имеют дело не с политическими событиями, а с языком, на котором о них рассказывают» [Edelman 1977: 142], и политический язык, таким образом, «является политической реальностью» [Edelman 1988: 104], политолог должен изучить методы, с помощью которых язык создает политическую реальность в различных контекстах [Chadwick 2003: 49].

В своей ранней работе [Edelman 1964] М. Эдельман рассматривал различные языковые стили и их применение политическими, административными и судебными элитами. Различая *побудительный*, *юридический* и *переговорный* стили, он определил роль каждого из них в поддержании политического устройства. Наиболее распространенной формой политической риторики и важным для понимания роли риторики в обеспечении общественной поддержки является язык наставлений, или побудительный стиль. Ключевым моментом здесь является то, что лингвистическое содержание и форма объединяются, чтобы убедить общественность в том, что с ней в настоящее время *консультируются* по вопросам политики. В побудительном стиле языка присутствуют гиперболы, личные нарративы и обращения к широкой аудитории, которые служат для создания смыслового содержания. Значение побудительного политического языка можно обнаружить одновременно в его основном содержании, которое варьируется от случая к случаю, и, что самое главное, в демонстрации публичного обращения к народу для консультации по вопросам, представляющим общественный интерес [Kimmel 1978]. Тем самым элиты дают понять, что общественное мнение не игнори-

руется, а играет центральную роль в политическом процессе.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в более поздней работе, когда М. Эдельман [Edelman 1977] обратил внимание на потребность общественности в заверениях, что их политическим лидерам приходится преодолевать трудности. «Этот психологический процесс объясняет, почему каждый режим как поощряет общественное беспокойство, так и умиротворяет его посредством риторики и успокаивающих жестов» [Edelman 1977: 147]. Язык, используемый официальными лицами, создает видимость заботы, хотя в действительности может носить воспитательный и ограничительный характер. Даже если долгосрочным результатом стал провал политики, то он все равно маскируется под ее успех [Там же: 146].

Набор часто используемых терминов также помогает сформировать уступчивую позицию по отношению к актам государственных должностных лиц. Такие слова, как *общественный*, *официальный*, *надлежащая правовая процедура*, *общественный* и *национальный интерес* не имеют конкретного референта, но вызывают значительную степень одобрения предлагаемых мер, которые могли бы быть восприняты со скептицизмом или враждебностью [Edelman 1988: 98].

Эти темы получили твердое эмпирическое обоснование в результате анализа политических новостей [Edelman 1988]. Хотя М. Эдельман не говорит об «интертекстуальном» характере новостей, он утверждает, что новость основана на нескольких слоях интерпретации: «Для любой аудитории массмедийное сообщение является интерпретацией интерпретации. Адекватный анализ распознает это как момент в сложной цепи интерпретаций, в которой каждая фаза прогнозирует дальнейшие интерпретации и помогает формировать их. Неоднозначность и субъективность не являются ни отклонением, ни патологией в распространении новостей; они являются составной частью политического мира» [Edelman 1988: 95].

В политическом спектакле новости — это средство для формирования народной поддержки и напоминание о бессилии общественности, которая играет лишь роль зрительской аудитории. По своей функции схожие с религиозными церемониями, которые передают недоступную мощь божества, новости вызывают чувство политической важности путем стратегического использования языка.

Язык помогающих профессий и язык бюрократии

Презентуя язык помогающих профессий, М. Эдельман утверждает, что лингвистиче-

ские приемы и публичные жесты обуславливают сложность и необоснованность представлений о социальных проблемах в сознании людей. Задача данного анализа заключается в раскрытии процесса, с помощью которого язык и жесты превращаются в мифы. Его метод состоит в изучении повседневных реакций на хронические социальные проблемы путем анализа заявлений, содержащих объяснения этих проблем, и действий, направленных на их преодоление. В центре внимания находятся государственные должностные лица, органы власти, язык и идеология «помогающих профессий» в области психиатрии, социальной работы и образования — профессий, имеющих отношение к бедности и связанным с ней недугам, в силу их очевидного влияния на убеждения и политические действия, а также потому, что они иллюстрируют связь между языком и познанием, доступную для наблюдения и анализа. Наиболее показательным в этих профессиях являются термины для классификации событий и оправдания ограничительного образа действий с тем, чтобы определить и защитить иерархию власти.

Рассмотрим, как наиболее распространенные виды деятельности — занятия спортом, беседы и даже чтение — маркируются как «терапия»: танцевальная терапия, реабилитационная терапия, групповая терапия, библиотерапия. За счет того, что ограничительные мероприятия проводятся под вывеской образования, терапии или реабилитации, они приобретают альтруистический характер. Таким образом, для того, чтобы обозначить общественную деятельность, как если бы она была медицинской, нужно зафиксировать роли начальника и подчиненного, закрепляя тем самым информацию о том, кто отдает приказы и кто их выполняет, с тем, чтобы заранее оправдать запреты, наложенные на подчиненный класс [Edelman 1977: 57—76].

Помимо определения и поддержания статуса и власти иерархий, язык помогающих профессий, по М. Эдельману, может также служить для расширения властных полномочий. Поскольку внимание отвлечено от экономических и социальных корней проблемы, собственная основа власти элит может быть расширена. Одна из форм, которую она принимает, — это толкование отсутствия девиантного поведения в качестве состояния, ему предшествующего. В психиатрической литературе говорится о препсихотическом состоянии; источники в области социальной работы рассматривают личность, склонную к антисоциальному поведению. Следовательно, внимание реципиента

концентрируется на профилактике и борьбе, а также отвлекается от связи между бедностью и преступностью [Там же]. Такая терминология также вселяет уверенность в способности профессионалов предсказать, кто будет проявлять антисоциальное поведение в будущем, а кто нет. Использование специального символического языка для того, чтобы влиять на социальный конформизм и препятствовать критике, не является, однако, уникальным для этой группы. Это также характерно в значительной степени для бюрократического языка.

Язык бюрократии часто служит для того, чтобы навсегда закрепить в основном неэффективные организации. Выживание административных учреждений, кажется, зависит в большей степени от беспокойства общественности о проблемах, с которыми она имеет дело, чем от их эффективности функционирования [Kimmel 1978]. «Язык определяет, что руководители и общественность считают само собой разумеющимся, чьи притязания признаются законными, а чьи игнорируются, как они определяют свои функции и какой особый смысл они вкладывают в результаты своей политики» [Edelman 1977: 90].

По причине несовместимых целей или двусмысленности языка оценки спорящих организаций часто не обнаруживают никакой информации об эффективности этих организаций. Расплывчатые цели — *национальная безопасность, улучшенные жилищные условия* — могут вызывать оценки, которые преувеличивают как полезность услуг, так и результативность. Чем конкретнее термины, используемые для формулирования целей, тем больше вероятность того, что они окажутся конфликтными и совершенно неэффективными.

Социальная адаптация через противоречивые убеждения

Особый стиль М. Эдельмана, его способность приводить убедительные аргументы ярко проявляются при описании социальной адаптации посредством противоречивых убеждений. Наиболее распространенные когнитивные реакции на бедность вписываются в одну из двух альтернативных моделей. Первая модель усматривает ответственность бедных за их затруднительное положение, которые нуждаются в контроле, необходимом для того, чтобы «компенсировать их <заявленную> неадекватность, жадность, отсутствие самодисциплины, безнравственность...» [Edelman 1977: 6]. Этой точки зрения часто придерживаются законодатели и чиновники, выступающие против увеличения пособий по социальному обес-

печению, а также традиционные психиатры и социальные работники. Альтернативная точка зрения рассматривает бедных как жертвы, терпящие лишения из-за социальной, политической и экономической эксплуатации, а не по причине личных недостатков. Либеральные политики и представители помогающих профессий, вероятно, являются сторонниками этой модели.

В то время как большинство людей будут выбирать для себя одну из этих двух моделей в качестве доминирующей теории, они все же учатся воспринимать обе, используя ту или другую в зависимости от конкретной цели. Это не только выражает индивидуальную амбивалентность, но и способствует развитию противоречия в политической риторике и общественной практике. Язык, в котором выдержаны оба объяснения, и сформированные с его помощью убеждения поддерживают спокойное общественное признание бедности как жизненного факта. Воспринимать бедность в терминологии неадекватности бедных — это значит лечить ее симптомы, в то время как категории, используемые для определения в терминах функционирования экономических, социальных и политических институтов, — *система* и *экономический закон* — обесценивают борьбу с ней, показывая ее бесполезность.

Политическое ограничение через символическое успокаивание

Мюррей Эдельман задается вопросами о том, как получается, что правительства могут проводить политику, которая не является успешной и даже порой противоречит ценностям, которые политики должны поддерживать. Как получается, что при избыточной риторике о мире и разоружении конференции по разоружению не демонстрируют существенного прогресса, а оборонный бюджет продолжает забирать основную часть национальной казны? Ответ мы находим в самой известной цитате М. Эдельмана: «Люди не имеют дела с политическими событиями напрямую, скорее они имеют дело с языком, на котором им рассказывают об этих событиях. Непредвиденные последствия действий и языка часто являются более важными, чем изначально запланированные, поэтому обычное наблюдение и традиционные методы исследования (в частности, исследование мнений) главным образом говорят нам, какие символы в настоящее время в силе, а не то, в чем состоит реальность» [Edelman 1977: 142].

Почему в сфере защиты интересов потребителей многие меры демонстрируют гораздо больше символическую, чем реаль-

ную работу; и как получается, что регулирующие органы и коммунальные комиссии в конечном итоге действуют в интересах бизнес-групп, которые они должны регулировать? Как только эти органы получают положительные отзывы, а их конкретные должностные лица характеризуются как ответственные защитники прав потребителей, найти упоминание об их неэффективных действиях будет невозможно.

Люди хотят верить в целостность и эффективность их государства, говорит М. Эдельман, поэтому они принимают ту степень амбивалентности, которая позволяет продолжать политику, порождающую амбивалентность. В противном случае это означало бы политическую жизнь, наполненную протестом и сопротивлением. «Подавляющее большинство хотят верить, что их собственные роли вносят значимый вклад во всеобщее благо, и поэтому есть веские основания соглашаться с жизнеутверждающей точкой зрения на государственную политику, а не с мнением, лишаящим их веры в институты, которые они поддерживали, и их веры в самих себя» [Edelman 1977: 156].

Критика концепции М. Эдельмана

В основе безусловно функционального и ответственного демократического государства лежит символическая система, которая приводит невежественную общественность в латентное состояние. Государство, средства массовой информации, гражданское общество, межличностные отношения, даже народное творчество являются частью массового спектакля, который держится на плаву за счет пустых символических убеждений. Признавая привлекательность идей М. Эдельмана, М. Фенстер, однако, указывал на слабость его теоретического и методического подхода на фоне относительно сильных сторон более поздних исследований в этой области, что делает его работу неспособной послужить ни моделью, ни трамплином для современного изучения политических символов [Fenster 2005: 367].

М. Гейс видит в работах М. Эдельмана, как и в большей части научной литературы о связях языка и политики, две проблемы. Во-первых, не всегда понятна суть утверждения. Во-вторых, существует сравнительно мало комментариев и четких объяснений конкретных лингвистических примеров. Отсутствие ясности становится причиной важной терминологической путаницы [Geis 1987: 49]. В качестве примера приводится довольно известная цитата, содержащая весьма экстравагантное, по мнению критика, заявление: «Люди имеют дело с языком, на ко-

тором им рассказывают о политических событиях; даже события, которые происходят совсем рядом, приобретают значение через язык, используемый для их описания. Таким образом, политический язык и является политической реальностью; с точки зрения актера и зрителей нет никакого другого значения событий» [Edelman 1985: 10].

Яркие образы политики как спектакля, взаимосвязь между политическим языком и политической мыслью в работах М. Эдельмана создают сильное впечатление. Тем не менее их основательность является иллюзорной, поскольку М. Эдельман использует термин «значение» довольно своеобразно. Можно обоснованно говорить о значении предложения и значении события. Тем не менее это два совершенно разных вида использования этого термина. Лингвисты и философы используют стандартное значение, в соответствии с которым, по мнению большинства, определяется значение предложения. Так, определить значение предложения — значит определить условия, при которых оно истинно, и условия, при которых оно ложно [Geis 1987: 51]. Это лингвистическое значение.

Когда М. Эдельман говорит, что события приобретают значение через язык или что язык формирует значение событий, он не может иметь в виду лингвистическое значение, так как события, в отличие от предложений или утверждений, не имеют значения истинности. Утверждая, что язык формирует значение событий, он должен иметь в виду, что язык формирует значимость событий. Если заменить термин *значение* на слово *значимость* в цитате выше, ее смысл станет намного точнее. Тогда мы могли бы построить лингвистическое значение политического утверждения через его политическую значимость. Разумеется, реальное слово *событие* не имело бы лингвистического значения, но оно могло бы иметь политическую значимость.

Некоторые положения рассматриваемой концепции М. Гейс пытается уточнить на основе идеи о когнитивных пресуппозициях языка как фоновых знаниях, которые имеют тенденцию выходить за пределы сознательного понимания. Именно тогда, когда мы принимаем, а не оспариваем эти фоновые допущения, язык может бессознательно влиять на наше поведение. По его мнению, политический язык обычно передает информацию на двух уровнях. Первым из них является лингвистическое значение того, о чем говорится. Вторым выступает уровень политических убеждений, которые включены в конкретные ситуации применения политиче-

ского языка и актуализируются при его использовании. М. Гейс в качестве примера приводит гипотетическое утверждение Р. Рейгана о том, что необходимо поддержать правительство в Сальвадоре в борьбе против пытающихся свергнуть его марксистско-ленинских партизан. Многие американцы придерживались тогда точки зрения, что Советский Союз вместе с другими зависящими от него коммунистическими государствами находится в заговоре с целью подорвать политическую стабильность стран, дружественных Соединенным Штатам [Geis 1987: 54]. (Справедливости ради отметим, что на сегодняшний день эти пресуппозиции американского общества вряд ли претерпели изменения.) Как и ожидалось, использование фразы *марксистско-ленинские партизаны* активизировало этот код, который закрепил значительный уровень доверия и чрезвычайную актуальность требования.

Подобных примеров, когда ничем не подкрепленные обвинения становятся поводом для начала военных операций, и из новейшей истории американской политики можно привести немало. Если несколько десятилетий назад кодовыми словами, имеющими негативный ассоциативный фон, были *Советский Союз*, *коммунизм* и другие, то сегодня эту функцию выполняют *терроризм*, *русские хакеры* и т. п. Продуманное их использование в политическом заявлении обеспечивает абсолютную поддержку самого нежелательного для общественности плана мероприятий при любом требуемом финансировании. Очевидно, что большинство обывателей строят свою реакцию на основе когнитивных ассоциаций с тем или иным термином, а не на его лингвистическом значении. Пресуппозиции, в свою очередь, также формируются посредством политического языка. Следовательно, до тех пор, пока мы сохраняем когнитивные пресуппозиции слова или фразы отдельно от ее лингвистического значения, с одной стороны, можно будет разрабатывать теорию взаимосвязи между политическим языком и политической мыслью, а с другой — политические технологии, созданные после Второй мировой войны, будут успешно эксплуатироваться в современном обществе.

Рассмотрев в разном приближении большую часть работ М. Эдельмана, приходим к выводу, что за столь долгую карьеру объекты анализа в его эклектичных теоретических изысканиях оставались на удивление постоянными. Его работы всегда сосредоточены на двух разных, но взаимосвязанных областях, которые имеют большое значение для анализа современной политики — язык и сим-

волическое представление. Ответ на вопрос почему нам, к сожалению, ни у самого М. Эдельмана, ни у его критиков и последователей найти не удалось.

Признавая правоту М. Гейса, мы отметим некоторую запоздалость его работ для современного исследователя. Тот факт, что политики манипулируют обществом посредством воздействующей силы языка, определенных тактик и стратегий, список которых уже известен в современной лингвистике, ошеломлял читателя в 60—70-е гг. XX в. Сегодня он воспринимается как очевидный факт, а политические технологии, в основе которых, вероятно, и были работы М. Эдельмана и других лингвополитологов и лингво-социологов, четко отработаны. Теория номинаций давно признана и не производит потрясающего впечатления. Сам термин *политический язык* представляется не совсем корректным и точным.

Таким образом, с позиции лингвистики возникает ряд вопросов в отношении как выбора понятий и терминов, так и применяемых методов. Обращает на себя внимание тот факт, что, рассматривая языковой аспект политики, М. Эдельман не слишком щедр на конкретные примеры политического языка, ограничиваясь упоминанием отдельных терминов и описанием ситуаций их использования. Представляется, что это обусловлено его основными сферами деятельности — политологией и социологией, для которых особую важность представляет не лингвистический материал, а эффект его использования. В этом смысле М. Эдельман — лингвополитолог, для которого язык состоит на службе у политиков, в то время как для политического лингвиста политика — всего лишь одна из сфер господства языка. Тем не менее труды классиков, к которым, несомненно, относятся М. Эдельман, никогда не теряют актуальности. Обязательно найдется тот, кто увидит в них источник вдохновения и сможет прочесть то, чего не смогли увидеть другие.

Заключение

Заявления элит подпитывают и частично создают речевые структуры, термины, которые обеспечивают людям понимание мира и психологически защищают их место в этом мире от противоречий. В данном контексте политика начинается не с массовых эмоций или политических предпочтений, а с концептуальных структур, в которых люди получают информацию и превращают ее в картину мира, служащую основой для действия или бездействия. М. Эдельман обеспечил серьезную аналитическую основу для понимания *согласия управляемых* и показал, как отно-

шение власти проявляется в повседневной жизни посредством языковых форм, мифов и символических ответов на глубокие общественные нужды для успокоения и порядка.

Представляется, что для М. Эдельмана не являются серьезными проблемы, которые связаны с сознательным обманом, хотя такие случаи, безусловно, имеют большое значение для государственной политики и интересны с точки зрения научного анализа. Он скорее беспокоится за органы власти, которые вовлечены в этот символизм, и незлиты при доминировании первых. Виды лингвистической символики, подвергшиеся изучению в политическом языке, укореняют неравенство, которое в противном случае было бы недопустимо, и обеспечивают массовое принятие неэффективных или даже вредных политических стратегий. Экономические, социальные и психологические последствия правительственных мер по борьбе с бедностью иногда сами становятся основными факторами, способствующими бедности и связанными с нею проблемам. Новейшая история показывает, что для относительно бесправных групп сопротивление может оказывать определенное влияние на элиты и часто в истории способствовало улучшению жизненных условий, пусть и в отсроченном будущем, приносило выгоду. Мифическое восприятие, которое порождает наш политический язык, отражает мощные (хотя и не непреодолимые) факторы, сдерживающие такое сопротивление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. полит. наук. — М., 2012. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5—18.
2. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. — М., 2012. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17—53.
3. Эдельман М. Категоризация, восприятие и политика. Ч. 1 // Политическая лингвистика. 2016. № 58. С. 244—250.
4. Эдельман М. Категоризация, восприятие и политика. Ч. 2 // Политическая лингвистика. 2016. № 59. С. 165—171.
5. Эдельман М. Язык исследования и язык власти // Политическая лингвистика. 2017. № 61. С. 161—170.
6. Chadwick A. Murrey Edelman // Key Thinkers for the Information Society. / ed. by Christopher May. — London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. Vol. 1. P. 43—65.
7. DeCanio S. Murray Edelman on symbols and ideology in democratic politics // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 339—350.
8. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1988. 250 p.
9. Edelman M. Political Language and Political Reality // PS: Political Science & Politics / American Political Science Association. 1985. Vol. 18. P. 10—19.
10. Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. — New York : Academic Pr., 1977. 164 p.
11. Edelman M. Presidential address defining our profession and ourselves // Public Opinion Quarterly / American Association for Public Opinion Research. 2001. Vol. 65. P. 436—444.

12. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964. 201 p.
13. Fenster M. Murray Edelman, polemicist of public ignorance // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 367—391.
14. Garfinkel H. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII-XXII.
15. Geis M. L. The Language of Politics. — New York : Springer Verlag., 1987. 190 p.
16. Graber D. A. Editor's foreword to essays written to Honor Murray Edelman Political Communication. 1993. Vol. 10, Iss. 2. P. 97—98.
17. Jarvis Sh. E. The Talk of the Party: Political Labels, Sym-

bolic Capital, and American Life. — Rowman & Littlefield, 2005. 277 p.

18. Kaid L. L. Christina Holtz-Bacha Encyclopedia of Political Communication. Vol. 1. — SAGE, 2008. 499 p.

19. Kimmel R. Political Language // Institute for Research on Poverty. URL: <http://www.irp.wisc.edu/search/website.htm?cx=006757642343079979639%3A5j3eguwohem&cof=FORID%3A11&q=Roberta+kimmel&sa=Search&siteurl=www.irp.wisc.edu%2Fpublications.htm&ref=www.irp.wisc.edu%2Findex.htm&ss=9806j14931920j15> (date of access: 15.03.2017).

20. Lipsky M. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / Edelman Murray. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII—XXII.

Выражаем благодарность Анатолию Прокопьевичу Чудинову за идею, вдохновившую нас на написание этой статьи.

N. A. Prom, T. S. Likhacheva
Volgograd, Russia

M. EDELMAN'S LINGUO-POLITICAL CONCEPTION

ABSTRACT. *The article considers the linguistic aspect of the theory of symbolic politics developed by the American political scientist Murray Edelman. This conception seems to be an interdisciplinary phenomenon at the intersection of political science, sociology and linguistics. Most of his works are devoted to such questions as why such imperfect political systems have arisen, how inequality has been so ingrained in the human mind and has become so widespread. M. Edelman did not content himself with considering only the political aspect of public behavior and mass media in the design of political images, he studied the features of the language and rhetoric of political interaction; he explored how language generated around political problems shapes politics in a policy-driven bureaucracy and transforms political action into a satisfactory response to felt need. Edelman showed how in the communication between political authorities and the mass public, elites diligently shape people's expectations and help ensure that the public accepts the elites' convenient attitude to the authorities themselves. The types of linguistic symbols that were studied in the political language enroot inequalities, which otherwise would be unacceptable, and ensure the mass adoption of ineffective or even harmful political strategies. He reminds us that when we let political language create our realities, disastrous outcomes of activities of the politicians manipulating the public may ensue.*

KEYWORDS: *linguistic and political science; symbolic politics; political language; cognitive presuppositions.*

ABOUT THE AUTHORS: *Prom Natalya Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.*

Likhacheva Tatiana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. Malinova O. Yu. Cimvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. / RAN. INION, Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled., otd. polit. nauk. — M., 2012. Vyp. 1 : Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. S. 5—18.
2. Potseluev S. P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii kontseptov // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. / RAN. INION. — M., 2012. Vyp. 1 : Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. S. 17—53.
3. Edelman M. Kategorizatsiya, vospriyatye i politika. Ch. 1 // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 58. S. 244—250.
4. Edelman M. Kategorizatsiya, vospriyatye i politika. Ch. 2 // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 59. S. 165—171.
5. Edelman M. Yazyk issledovaniya i yazyk vlasti // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 61. S. 161—170.
6. Chadwick A. Murrey Edelman // Key Thinkers for the Information Society. / ed. by Christopher May. — London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. Vol. 1. P. 43—65.
7. DeCanio S. Murray Edelman on symbols and ideology in democratic politics // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 339—350.
8. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1988. 250 p.
9. Edelman M. Political Language and Political Reality // PS: Political Science & Politics / American Political Science Association. 1985. Vol. 18. P. 10—19.
10. Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. — New York : Academic Pr., 1977. 164 p.
11. Edelman M. Presidential address defining our profession

and ourselves // Public Opinion Quarterly / American Association for Public Opinion Research. 2001. Vol. 65. P. 436—444.

12. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964. 201 p.

13. Fenster M. Murray Edelman, polemicist of public ignorance // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 367—391.

14. Garfinkel H. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII-XXII.

15. Geis M. L. The Language of Politics. — New York : Springer Verlag., 1987. 190 p.

16. Graber D. A. Editor's foreword to essays written to Honor Murray Edelman Political Communication. 1993. Vol. 10, Iss. 2. P. 97—98.

17. Jarvis Sh. E. The Talk of the Party: Political Labels, Symbolic Capital, and American Life. — Rowman & Littlefield, 2005. 277 p.

18. Kaid L. L. Christina Holtz-Bacha Encyclopedia of Political Communication. Vol. 1. — SAGE, 2008. 499 p.

19. Kimmel R. Political Language // Institute for Research on Poverty. URL: <http://www.irp.wisc.edu/search/website.htm?cx=006757642343079979639%3A5j3eguwohem&cof=FORID%3A11&q=Roberta+kimmel&sa=Search&siteurl=www.irp.wisc.edu%2Fpublications.htm&ref=www.irp.wisc.edu%2Findex.htm&ss=9806j14931920j15> (date of access: 15.03.2017).

20. Lipsky M. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / Edelman Murray. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII—XXII.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.